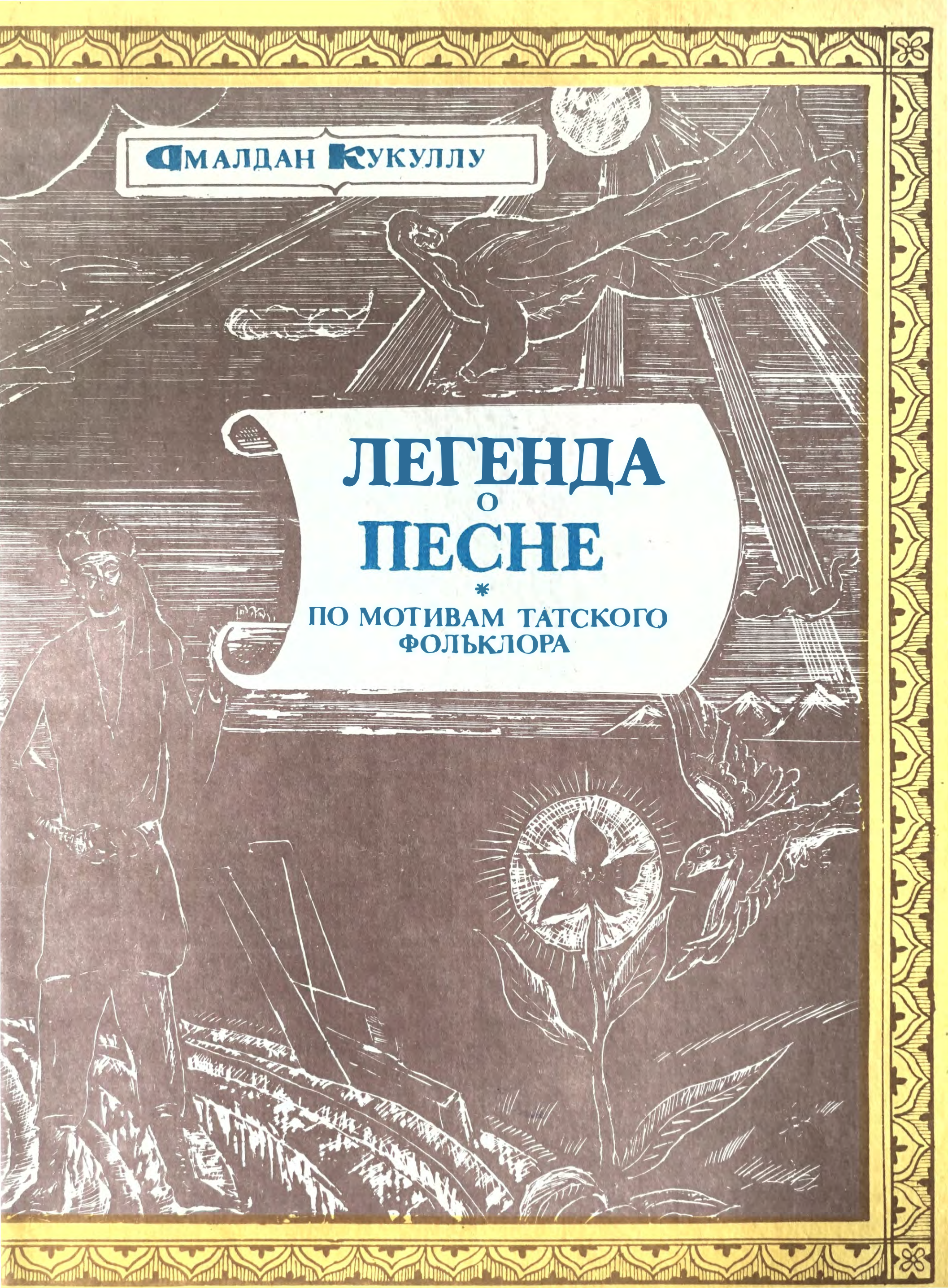

СМАЛДАН КУКУЛЛУ

ЛЕГЕНДА О ПЕСНЕ

*
ПО МОТИВАМ ТАТСКОГО
ФОЛЬКЛОРА

СМАЛДАН КУКУЛЛУ

ЛЕГЕНДА О ПЕСНЕ

*
ПО МОТИВАМ ТАТСКОГО
ФОЛЬКЛОРА

МОСКВА
MOSKOV
1991

Стихотворная «Легенда о песне» Амалдана Кукуллу была начата в 1962 году в г. Махачкале, затем был 15-летний перерыв, — только в 1975 году она была завершена в г. Москве и переведена на русский язык в 1982 году. Издавалась в «Самиздате» как на татском, так и на русском языках.

Толчком к написанию данного произведения послужил фольклор татов Дагестана, которому автор на протяжении десятилетий посвятил себя и как собиратель татского фольклора, и как автор научных трудов по фольклористике, этимологии слова, религиозно-духовным и историко-архнологическим изысканиям. Результатом его многолетнего труда явилась книга сказок «Золотой сундук» (Сказки татов Дагестана), изданная в Москве в 1974 году и переиздающаяся с дополнениями в этом году, в новой редакции (издание подарочное, красочно иллюстрированное).

Тема «Легенды о песне» — это извечный конфликт властимущих, жестокосердных богатеев с неутомимым тружеником, в данном случае — пахарем, которому Любость к Труду и Верная Дружба с Песней, помогают выжить... и победить жадных и коварных богатеев. Несомненно, это главный лейтмотив «Легенды...». И не менее главным, если не самым основным в этом произведении, является Себя рождение Слова, а через Слово — Песни, которая живет среди нас и по сей день.

Книга рассчитана на детей и взрослых.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ АВТОРА, С АВТОРСКИМ КОПИ-РАЙТОМ ©, И ПОТОМУ ВСЕ СДЕЛКИ КАК ВНУТРИ СТРАНЫ, ТАК И ЗА РУБЕЖОМ ВЕДУТСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО С АВТОРОМ.

Адрес: СССР, 117393, Москва, ул. Гарибальди, 20/29, корп. 1, кв. 15

Кукулиев Ама Данилович (Амадан КУКУЛЛУ).

Домашний телефон: 120-85-53

ЛЕГЕНДА О ПЕСНЕ

(по мотивам фольклора татов Дагестана)

В народе нашем с самых давних пор
Живет легенда, что древнее гор.
Она о том, как песня обрела
Широкие и вольные крыла
И долго-долго по свету летала
И друга настоящего искала.

Признаться, это правда или нет,
Не ведаю — прошло немало лет...
И если это быль — нет были лучшей,
А если это сказка — то послушай.
Легенды долговечность — добрый знак.
И говорят, что было все вот так.

Вначале тучи в небе тяжелели,
Грозами неумными гремели
И по небу в смятении неслись.
Стенанья туч с раскатами слились
В единый строй, заполонивший дали,
Звучаньем песни беспредельной стали.

Тогда-то ветер, истинный храбрец,
Седых пространств неистовый гонец,
Все тучи, что металась на виду,
Собрал в одну единую гряду
И начал выжимать ее с трудом,
И сразу тучи пролились дождем.

День до краев был переполнен влагой:
Ручьи стекали в реки пенной брагой,
Стремилась реки вниз неудержимо,—
И было это так непостижимо,
Что в звоне струй, летящих как попало,
Уже многоголосье назревало.

И эти звуки, мокрые, речные,
И плеск, и шум, и брызги золотые
Не высохли и оземь не разбились —
В звучанье песни дивной превратились, —
А песни этой вдохновенней нет,
Чтоб облететь однажды целый свет.

Дни миновали — и весна настала,
Чтоб все вокруг в природе расцвело.
Ликут белоснежные сады,
Цветы в лесах толпятся у воды —
Как удержаться, не заговорить? —
Ведь радость жизни им не позабыть.

Взволнованные эти разговоры,
Напевы эти в солнечную пору
И запахи, которых нет чудесней,
Сливались в очарованную песню, —
А песни вдохновенней в мире нет,
Чтоб облететь однажды белый свет.

И соловьи в зеленой колыбели
Такие песни людям ночью пели
На все лады, так душу раскрывали,
Что повторишь рулады их едва ли,
Бредя в широколиственной тени, —
Их песни человеческим сродни.

Нет на земле безмолвия в помине —
Она не уподобилась пустыне,
Везде разнообразное звучанье
Зачеркивает чуждое молчанье —
И звуки, поднимаясь до небес,
В единстве стали чудом из чудес.

Звучанье это звезды по ночам
В себя вбирают, — шепет, птичий гам
Спокойно дремлют, чтобы на рассвете
Проснуться снова радостно, как дети,
И с солнечными ясными лучами
Вернуться к людям новыми дарами.

Вот так возникла песня. И бывает,
Что мир ее частенько напевает.
Признаться, это правда или нет,
Не ведаю — прошло так много лет...
И если это быль — нет были лучшей,
А если это сказка — то послушай.

Но знаю я и то, как песня эта,
Подобно птице-страннице по свету,
Размахивая сильными крылами,
Без усталости скиталась над горами —
И друга ей хотелось отыскать,
Чтоб дружбу мог беречь он и понять.

Сменялись дни ночами то и дело,
А песня все летела и летела...
Селения, аулы, города
Встречали гостью радостно всегда,
Но друга настоящего найти
Нигде не удалось ей на пути.

В один из дней, — так говорит преданье, —
Преодолев большое расстояние,
Решила песня в поле отдохнуть.
Вдруг видит: распахнув под солнцем грудь,
Здесь пахарь, ничему вокруг не внемля,
С любовью и заботой пашет землю.

И видит песня: пахарь этот юн,
С лицом светлей высоких наших лун,
Без отдыха за плугом он шагает —
Знать, радость труд тяжелый облегчает —
И к делу он относится с душой,
И сразу ясно — труженик большой.

Шагнула песня ближе — и глядит:
Лицо от пота щедрого блестит
У пахаря. Он так самозабвенно
Работает. Подумала мгновенно:
«Он трудится, не покладая рук,
И, стало быть, он верный будет друг.» —

Так думая, расправила крыла
И к пахарю поближе подошла,
Лицо его вплотную увидела,
Решилась и торжественно сказала:
«Ну, здравствуй! Любовалась я, не скрою.
Знай, пахарь, кто беседует с тобою:

Я — песня. Я полсвета облетела,
Я все глаза в тревоге проглядела
В сиянии рассветном и во мгле.
Мне так хотелось всюду на земле
Найти по сердцу друга. Я ждала,
Искала я, но так и не нашла.

Каких людей я только повидала,
В каких домах я принята бывала!
Там было все, что можно пожелать,—
Но человека не было опять,
Умеющего дружбой дорожить.
Старанья были тщетны? Может быть...

Хочу узнать сейчас, при свете дня:
Найдешь ли в сердце место для меня?
Сумеешь ли всегда дружить со мною?»
Пот вытерев, шагая бороздою,
Крестьянин стал пахать еще быстрее.
Пласты земли ворочались, чернея.

И так, смущаясь, пахарь отвечал:
«Я ждал тебя — и все же повстречал.
И в сердце человеческом моем
Есть место песне. Мы теперь — вдвоем.
Ты силы мне даруешь, чтобы жить.
Коль ты не против, будем мы дружить».

И в тот же миг, так просто и чудесно,
Вселилась в сердце труженика песня.
И стал он за работой распевать,
И стала песня другу помогать.
На сердце — радость, песня — на устах,
Усталости в помине нет в трудах.

И, песню распевая вдохновенно,
Забыв о передышках совершенно,
Широкою шагая бороздой,
Трудился в поле пахарь молодой,
А вечером домой вернулся с поля —
И песня с ним была, как жизнь и воля.

...Теперь, читатель, должен я сказать,
Чтоб всех героев ближе нам узнать:
Была, трудолюбива и нежна,
У пахаря красавица-жена,
Любовь их — словно свет непобедимый,
И в ней сердца их бились воедино.

Еще, на радость пахарю простому,
Пять-шесть мальчишек бегали по дому,
Проказничать любили иногда,
Но все же старших слушались всегда,
С отцом трудиться в поле начинали
И матери охотно помогали.

Но как бы не любила труд семья,
И каждый день — заметить должен я —
К работе ни стремилась беззаветно,
Жила она — что делать! — очень бедно.
Вставал восход, его закат сменял,
Бежали дни,— а пахарь все пахал...

...Пора, читатель, прямо объясниться:
В огромном поле пахарю трудиться
Годами приходилось одному.
Оно принадлежало не ему.
Тяжелый плуг по бороздам влача,
Трудился он всю жизнь на богача.

За годом год в работе проходил.
Случалось, выбивался он из сил,
Терпел, как мог, крепился — и опять
Шел поле необъятное пахать,
Работник бедный... А потом, хоть плачь,
Вновь не платил за труд ему богач.

За годом год шагая бороздой
Наедине с печалью и нуждой,
Жил пахарь... Но сегодня он домой
Вернулся с песней — радостный, прямой,
Походкой гордой — и, напевам вторя,
Изгнал из дома и печаль, и горе.

Он песню пел. Глаза его сияли
От радости — и словно прозревали.
Он пел и пел — и песня окрыляла.
Жена ему с восторгом подпевала,
И дети, видя, как отец и мать
Поют,— и сами стали напевать.

Настали дни, где счастья было вволю.
И каждый день трудился пахарь в поле
И песню пел при этом,— и душа
Была светла,— и радостью дыша,
Работал он, почти не уставая,
О горестях и бедах забывая.

Уже сверкали летние зарницы,
Настало время убирать пшеницу.
Богач-хозяин в поле слуг пригнал.
Убрали хлеб, в амбар свезли... Кто знал,
Что пахарю и всей семье его
Опять не даст хозяин ничего!..

Казалось бы, что делать в этот раз?
 Но пахарь не печалился сейчас —
 Он, песню распевая, шел домой
 И с поднятою гордо головой
 К семье вернулся, бодр и домовит,
 И не было в душе его обид.

И больше в доме не было беды.
 И с песней на устах взамен еды
 Вставали дети, — песня им давала
 Насущный хлеб. Супруга распевала —
 И к пенью стольких преданных сердец
 Прислушивался с радостью отец.

И так они свою любили песню,
 Что песне стало в сакле слишком тесно,
 И вырвалась на улицу она,
 И сразу зазвучала тишина;
 И, в душах поселившись бедняков,
 Звенела песня — ей хватало слов.

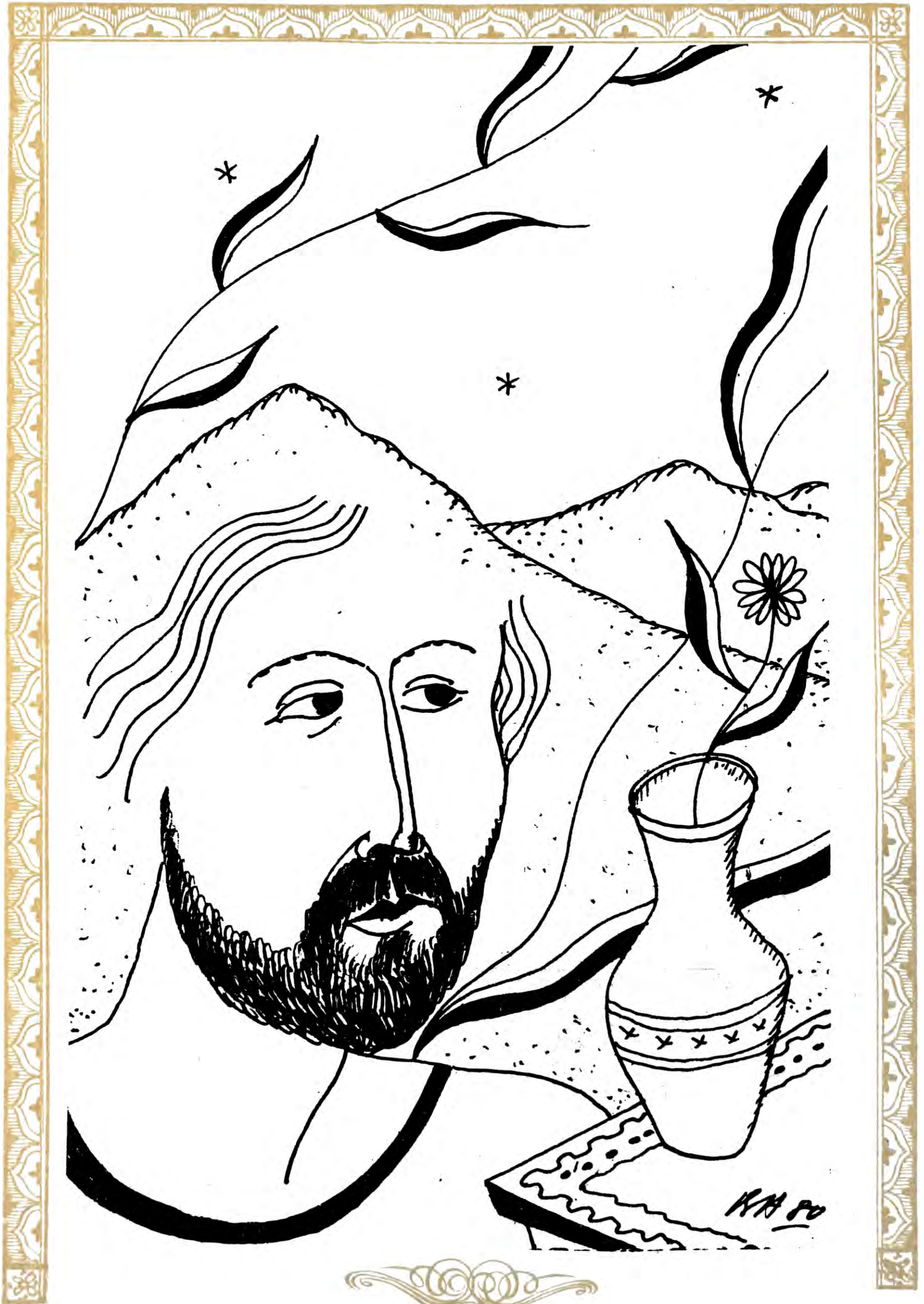
Как дружно вдруг запели бедняки,
 От горестей отныне далеки!
 А песня, ни на миг не умолкая,
 В глазах усталых вспыхнула, сверкая,
 Назло богатым, бедам всем назло,
 Стремилась люди к песне под крыло.

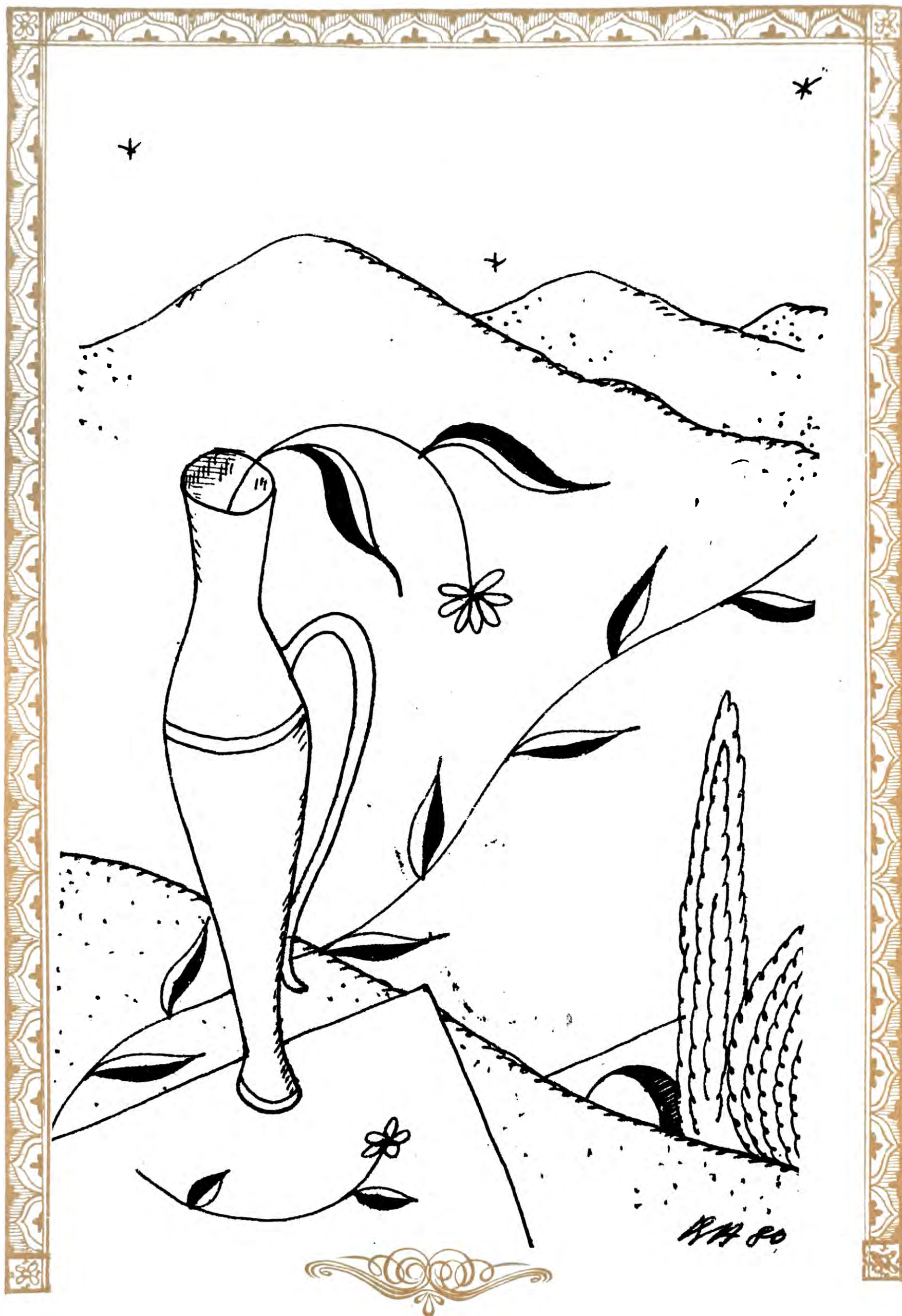
Сверкали песни чистые лучи, —
 И в страхе задрожали богачи.
 И эхом отозвался дальний гул,
 И музыкой наполнился аул.
 Куда ни глянь, повсюду песнь восходит,
 А богачи уж места не находят.

Сказали богачи тогда друг другу:
 «Как? Песня переполнила округу?
 Поют, как будто крылья за плечами!
 Как будто сами стали богачами!
 Чему они так рады? Не понять!
 Нам это срочно надо разузнать...»

Поскольку быть в тревоге недосуг,
 То к беднякам своих послали слуг
 С приказом — докопаться до причины
 И побыстрее выяснить картину:
 Откуда эта песня появилась?
 И как нужда и горе позабылись?

«А может, бедняки нас обманули,—
Сказал один богач.— Поют в ауле,
И с каждым часом песни веселей —
Так может, хлеб украли наш с полей?
Узнайте срочно, слуги, все об этом
И лишь потом скачите к нам с ответом.»

Коней горячих слуги оседлали,
Как хищники, к аулу поскакали
(У каждого на поясе кинжал
И каждый плеть в руке своей держал)
Туда, где распевали бедняки
Страданиям и бедам вопреки.

«Эй, бедняки, чему же вы так рады,
Что песенки поете? Что вам надо? —
Спросили слуги.— Время отвечать!
Да только не подумайте молчать!
Спасет вас только правда от расправы,
И спрашиваем мы не для забавы».

Не стали бедняки им отвечать.
А стали вдохновенней распевать.
Все громче песня светлая звучала —
И вот коней как вихрем раскидало,—
Так легкие пушинки ветер гонит
И заросли трепещущие клонит.

Что делать слугам? кони их дрожат,
И каждый всадник ужасом объят.
(А бедняки поют еще дружнее,
И песня их звучит уже грознее.)
Приблизиться к поющим невозможно —
И кони ржут и на сердце тревожно.

Коней как будто ветром унесло.
Вернулись слуги. Так не повезло!
Поникли головами, побледнели,
Ответ держать плетутся еле-еле.
Не выполнен приказ. И вот в печали
Посланники богатым так сказали:

«Чудес таких мы сроду не видали
И песню бедноты поймем едва ли.
Таится в этой песне волшебство —
И сами испытали мы его.
От песен этих вмиг мутнеет взгляд,
И всех коней уносит вихрь назад.»

Затрепетали в страхе богачи:
Что делать с песней? Жутко — хоть кричи!
И стали они думать и гадать,—
Как быть теперь и что же предпринять?
Три дня, три ночи, потеряв покой,
Все думали,— был каждый сам не свой.

И на четвертый, беспокойный день,
Когда от мыслей началась мигрень
И большинство устало и вздремнуло,
Сказал один из богачей аула:
«Нам не узнать, в чем радости секрет
У бедняков. Вести борьбу иль нет?

Что ж, деньги соберем, в конце концов,
И пригласим почтенных мудрецов.
Лишь мудрецы помогут нам за плату,—
У мудрецов любое слово свято,—
Помогут нам и делом и советом.
А деньги есть, что их жалеть при этом?

Одобрило собрание богатея.
Собрали деньги тут же, побыстрее,—
И, взвинчены речей нестройным гулом,
Послали слуг по селам и аулам —
Гонцов своих, известных наглецов,
Чтоб вмиг сюда доставить мудрецов.

Коней горячих слуги оседлали
И в дальний путь, не медля, поскакали.
Мелькали то аулы, то село...
Искали — но пока им не везло.
Замучились, не спали по ночам,
Помочь хотели очень богачам.

Три дня, три ночи не видать гонцов.
Они искали всюду мудрецов
И находили. На четвертый день,
Когда с вершин уже упала тень
И за горами солнце опустилось,
В аул свой с мудрецами возвратились.

Вновь собрались все вместе богатеи,
Волнения скрыть давно уж не умея,
И в доме, где собирается община,
Уселись на роскошные перины;
Гостей своих встречая, как отцов,
С почетом усадили мудрецов.

Им все, как есть, подробно рассказали,
Просить совета у мудрейших стали,
Событья описали, как умели,
И золотом внушительно звенели:
«Не жаль нам денег. Только рассудите,
Как быть нам? Помогите, помогите!..»

И мудрецы пустились в размышленья,
Все взвесили: рассказы, впечатленья,—
И думали: так в чем же тут секрет,
Что с песнею у бедных горя нет?
Явление это силясь объяснить,
По очереди стали говорить.

Они вещали важно и солидно
О том, что тайны вроде и не видно,
А все же есть... И морщился богач...
Тут слово взял почтенный бородач:
«Узнать необходимо нам сначала,
В чем сила бедных. В ней — всего начало.

Когда узнаем силу бедняка,
Ее отнимем мы наверняка.» —
«Но как узнать?» — воскликнули невольно,
Сердиты богатеи, недовольны,
Усмешку недоверья затая.
(И каждый думал: «Знал бы это я!»)

Мудрец изрек: «Решится все не вдруг.
Вам нужно одного из верных слуг
Отправить к бедным, словно бедняка,
И он узнает все наверняка.
Вначале пусть как равный к ним придет
И песню их пусть с ними он поет,

Пусть станет вхож в мужицкий этот рай,
Ну, а потом уж спросит невзначай: —
«В чем сила бедных?» — это откровенье
Добыть он сможет, сохранив терпенье.
А если тайну сможем мы узнать,
Сумеем силу бедных отобрать.»

Послушались совета мудреца.
В аул послали слугу-хитреца,
Прикинулся он бедным, как лиса,
И в горы незаметно поднялся.
И приняли его: «Бедняк, видать!»
И стал он песни бедных распевать.

Считали бедняки его своим,
 Делили кров и хлеб насущный с ним,
 Никто его не прогонял отсюда;
 Зато слуга лисой шнырял повсюду,
 Вынюхивал, чем дышит целый край,
 И вот спросил он как-то невзначай:

«В чем наша сила, интересно знать??
 Устал, признаться, думать и гадать...
 Но думаю, ее сильнее — нет.
 И тут же получил хитрец ответ:
 «Вся сила наша — в песне. Только песня
 Дает нам силу, всех иных чудесней,

И души наши верой наполняет,
 И дружбы ясный свет в сердца вселяет.» —
 «Откуда же пришла к вам песня эта
 И принесла с собою столько света,
 Поверьте, ни за что мне не понять,» —
 Сказал, вздохнув, слуга-хитрец опять.

«Один бедняк, — сказали бедняки, —
 Насильно богатеев вопреки,
 Ее запел, чтоб горе позабылось.
 Нам тоже эта песня полюбилась,
 И, глядя на него, и мы запели —
 И все в округе сердцем посветлели.

Да, с песней этой нам живется легче —
 Она врачует раны, души лечит,
 Обид былых как будто вовсе нет.»
 ...Вот так слуга-хитрец узнал секрет
 (Да будь он проклят сорок тысяч раз)
 И к богачам помчался в тот же час.

«Узнал я тайну силы бедноты.
 Они, однако, вовсе непросты...
 Платите! Расскажу вам лишь тогда.»
 Тут золото достали, как всегда,
 Измученные страхом богатеи —
 Ведь что-то вышло все ж из их затей.

Слуга довольный сразу рассказал,
 Что видел он, что хитростью узнал,
 Играя на доверии крестьян,
 И как ему помог его обман.
 И удивились богатеи: «Вах!
 Такое не уместится в умах!

Стал пахарь, безусловно колдуном!»
И все сошлись, подумав, на одном:
«В него, видать, давно вселился джин,
Раз тайны открывает он один.
А ну-ка, слуги,— снова на коней!
Скачите к сакле пахаря скорей,

Свяжите крепко и сюда везите,
Да по дороге за руки держите,
Чтоб никуда колдун не убежал.»
И вновь отряд послушно поскакал
И к сакле, что приткнулась под горой,
Приблизился нестройною гурьбой.

И слышат: в сакле песня раздается,
На улице, звеня, из окон рвется,
Как влага родниковая, струится —
И ничего на свете не боится.
Звучанье песни просветляет взгляд,
А всех коней отбросило назад.

Вернулись перепуганные слуги —
Все кони в мыле, лопнули подпруги,
И каждый, спешась, вертится, как вьюн,
И говорят: «Не пахарь он,— колдун!
Поверьте, было все на самом деле:
К нему войти мы в саклю не сумели!

Он песню пел — и ветер поднимал.
И ветер нас от сакли отгонял.»
Ох, как тут разозлились богатеи! —
Я передать, пожалуй, не сумею,—
Свою гордыню сразу позабыли,
У мудрецов совета попросили.

Качали головы амалданы *
И рассуждали: «Это очень странно...»
Высказывали все соображенья,
Измучили вконец воображение —
И, в общем, ничего не предлагали —
И богатеев разочаровали.

Был гул речей нестроен и горяч...
Но слово взял почтенный бородач:
«Есть способ старый. Верен он. Но знайте:
Я вам скажу — а вы уж выполняйте...» —
И приказал бумаги лист достать
И кое-что скорее написать,—

И лестные, и ложные слова —
 Мол, богачи вели себя сперва
 Неправильно, — зато теперь зовут
 На пиршество — и очень, очень ждут, —
 А приглашение это со стрелой
 Отправить прямо к пахарю домой,

И лучше запустить его в окно —
 Оно ему понравиться должно.
 В момент достали писари чернила
 И сообща посланье сочинили —
 И передали всадникам: «Пусть скачут!
 Ведь речи мудрых что-нибудь да значат!

Хоть каждый был уже стены бледней,
 Опять вскочили слуги на коней,
 С собою захватили лук и стрелы
 И, вздрагивая в страхе то и дело,
 И кое-как объединив усилия,
 Стрелу с письмом в окошко запустили.

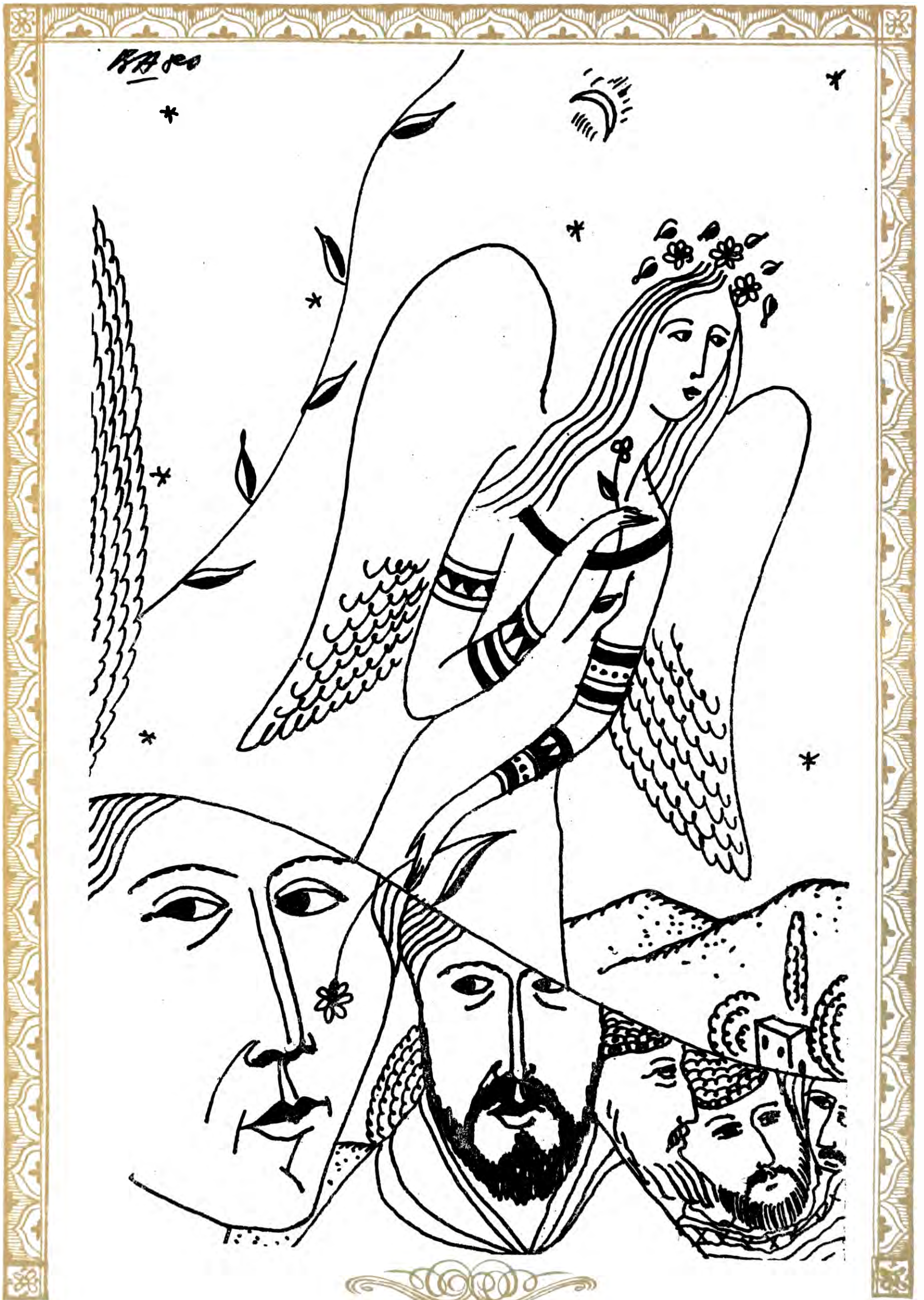
Стрела взвилась, запела в небе чистом
 Воткнулась в стену старую со свистом.
 В испуге пахарь на пороге встал,
 Но песню петь свою не перестал,
 Взглянул: письмо прислали со стрелой.
 Он взял его спокойною рукою,

Прочел письмо и догадался: ясно!
 Письмо ему прислали не напрасно —
 Хотят его позвать — и, может быть...
 Скорей всего, в ловушку заманить!
 Ну, что ж! Ответим сами как-нибудь:
 «Меня вам ни за что не обмануть,

Коварные предвижу я уловки,
 И пиршество — подобье мышеловки,
 Хотя пиры, поверьте, не по мне
 И лучше я побуду в стороне.
 Я столько лет работаю на вас —
 Верните детям ваш должок сейчас.»

Ответ к стреле он той же прикрепил,
 Лук натянул, назад ее пустил.
 Стрела упала. Слуги увидали,
 Сбежались и, столпившись, прочитали.
 Хоть было им не очень-то приятно,
 Вернулись к богачам они обратно.

Ответ достойный богачи прочли
И головы в унынии скребли —
Как быть? И что бы все же предпринять?
(А бедняки-то, знай, поют опять!)
«Ах, что вы посоветуете нам?» —
Поспешно обратились к мудрецам.

И мудрецы судили и гадали
И головами белыми качали,
Беседы безуспешные вели,
Но ничего придумать не могли.
Тут, неким вдохновением объятый,
Вдруг слово взял мудрейший, бородатый:

«Как ни крути, поможет лишь обман.
Чтоб наважденья разогнать туман
И делу дать неожиданный поворот,
Заткнем скотине грязной тряпкой рот.» —
«Но как? Ну, говори же нам скорее!» —
Вскричали с нетерпением богатеи.

В ладони хлопнул старец и привстал
И богачей к вниманию призвал,
Откашлялся, подумал — и изрек:
«Есть выход. Да поможет в этом Бог!
Вином наполним мы кувшин большой,
Травы снотворной подольем настой,

И к нашему заклятому врагу
С вином отправим верного слугу —
Прикинется пускай он бедняком
И с пахарем — смутьяном и певцом —
Тем более, что он придет один,
За силу песни выпьет весь кувшин...»

«Ну а потом?» — спросил один богач —
(Так был он в нетерпении горяч!)
«Когда вино приятели допьют,
То враз на месте оба и заснут...
Тут надо колдуна скорей вязать,
На суд сюда везти, ответ держать!»

«Ну а потом?» — опять богач спросил.
И бороду мудрец затеребил:
«Решайте сами... Сделал я, что мог.
Совет вам дал — пусть видит это Бог.
Теперь спешите дело сделать. Прежде
Доверимся хоть малой, но надежде.»

Не медля, слугам отдали приказ:
Кувшин вином наполнить сей же час,
Да выбрать повкуснее, похмельней,
Да, не жалея, наливать полней,
Настой травы снотворной подмешать
И зелье хорошенько разболтать.

Кувшин слуге проворному вручили
И к пахарю пробраться поручили,
Чтоб там, на месте, выпить им вино.
И вот посланец постучал в окно,
Держа кувшин, сказав при этом так:
«Эй пахарь! Я такой, как ты, бедняк.

Хоть ты со мной пока что незнаком,
Впусти меня — я стану кунаком.
Так добираться было тяжело!
Вина мы выпьем, богачам назло,
За дружбу и за песню, всех светлее.
Я так устал! Впусти меня скорее.»

...В народе нашем испокон веков
Есть поговорка. Смысл ее таков:
«Способен недруг лестным языком,
Лисой проникнув ненароком в дом,
Безвинных души, как врата, раскрыть
И ядом их негаданным залить.»

И говорят еще: «Того, кто льстит,
Ты опасайся. Знай: он ядовит,
Ведь он — змея в обличье человечьем.»
...Но был слуга и принят, и привечен,
Как гость желанный, в сакле бедняка.
(Он яд употребит наверняка!..)

Поверил пахарь лести. Дверь открыл
И гостя в дом с приветствием впустил.
И вот уже на глиняном полу
Сидят они и воздают хвалу
Спасительнице-песне, вспоминая
О богачах,— и дружно их ругая.

Беседовали долго иль не очень,
Но был слуга заданьем озабочен.
Налил вина — и, будто бы всерьез,
Взяв кружку, тост коварный произнес:
«За дружбу выпьем — и за песню нашу!
Нет дружбы крепче — нету песни краше!»

Кувшин вина, конечно, одолели,
Но оба все ж изрядно опьянели.
Вначале говорили, а потом
Упали и забылись мертвым сном.
Не передать, как сон их был глубок.
(Вот лести и наивности урок!..)

Вбежали слуги в саклю, и во двор,
И расстелили войлочный ковер
И завернули пахаря в него,
И, скрыть свое не в силах торжество,
Толпясь вокруг, из сакли потащили
И на арбу поспешно погрузили.

Увидев это, бедная жена,
До глубины души потрясена,
Кричала и рыдала в три ручья;
И вся осиротевшая семья
Просила слуг, подобных палачам,
Не уводить отца их к богачам.

Не сердце у лакеев — мертвый камень!
Они своими цепкими руками
Схватили и почти что на бегу
В арбу мешком закинули слугу,
Довольны тем, что дело удалось,
Что выслужиться нынче привелось.

Болтали слуги: «Вот она, судьба!..»
Колесами скрипевшая арба
Везла на суд суровый бедняка,—
И в небе собирались облака,
И богачи, поглядывая ввысь,
Шептали суеверно: «Дождались!»

К ногам богатых пахарь брошен был,
И вид его утроил злость и пыл,
А радости их не было предела:
Ведь как удачно завершилось дело!
Награды щедрой круг мудрейших ждал...
А пахарь спал — и ничего не знал.

«Ой, ты, собачий сын, глаза открой!» —
Ему кричали в перебранке злой
И топали ногами, и роптали,
И тело беззащитное пинали.
Не мог их бедный пахарь услышать —
Настой снотворный крепок был, видать...

Прошло уже, пожалуй, три часа.
И, наконец, бедняк открыл глаза,
Привстал — и, словно громом поражен,
«Обманут! Предан!» — сразу понял он.
Привык бедняк в лицо беде смотреть —
И песню он хотел свою запеть,—

Застряла песня в горле, словно ком,—
Был чем-то твердым заткнут рот тайком,
И телу тесно в войлочном ковре,
И думают вокруг не о добре...
Он тихо застонал, теряя силы,
И грудь его предчувствие сдавило...

Поглаживая бороду седую,
Один богач шагнул к нему вплотную
И закричал на пленника: «Щенок!
Раскаивайся — ты у наших ног!
И, не тая пред нами ничего,
Выкладывай: откуда колдовство?»

И головою покачал бедняк —
Закрит ведь рот — богатым сделал знак.
«Нет у меня в помине колдовства»,—
Хотел сказать он честные слова.
Толстяк-богач все громче на него:
«Выкладывай скорее про колдовство,

Мешающее жить спокойно нам,
Разнесшее коней по сторонам,
Как ветер...» — «Торопись и выполняй
Приказ хозяев! Быстро отвечай! —
Кричал другой.— Умей держать ответ!
Ты видишь сам, что выхода уж нет.»

Тут подбежал к лежащему толстяк,
Сверкнув перстнями, жирный сжал кулак.
Да, видно, не терпелось подлецу —
Ударил бедняка он по лицу,
Да, так, что искры брызнули из глаз
И выпал кляп... Хотел бедняк сейчас

Запеть назло мучителям своим,—
Но трое слуг, как коршуны, над ним
Склонились — и коленями на грудь
Насели так, что трудно и вздохнуть...
Вокруг кричали — все, до одного:
«Выкладывай скорее про колдовство!

Знай: не расскажешь — скулы раздробим,
Смешаем с кровью!» — Рев стоял над ним.
И пахарь прошептать сумел едва:
«Нет у меня в помине колдовства,
Есть только песня — с нею мы дружны,
Она спасает нас, мы ей верны...»

«Так, значит, песня? Только песня? Та-ак! —
Прервал беднягу-пахаря толстяк. —
Где эта песня? Не тяни, — давай
Выкладывай — и тайну раскрывай!
«Где песня?! — пахарь прошептал в ответ
С улыбкою. — Глупей вопросов — нет!

Здесь песня — в сердце бьющемся моем —
И жить нам с нею хорошо вдвоем.
С тех пор, как поселилась здесь она,
Блаженные настали времена...»
Тут, говорят, толстяк (преданью — верь!)
На пахаря набросился, как зверь,

Кинжал булатный мигом обнажил
И грудь бедняги смаху разрубил.
Невольный вздох по зрителям прошел —
И чистой кровью обагрился пол,
Упало на пол сердце — и забилось
И улицею длинной покатилося...

О, как возликовали богатеи! —
Свершилась их кровавая затея.
Который час твердит лишь об одном:
«Разделались мы славно с колдуном!»
...Из глаз у бедных льются, льются слезы,
А в сердце снова поселились грозы.

Поскольку больше не было заботы,
Решились богатеи на щедроты:
Всем мудрецам на радостях таких
Враз три мешка раздали золотых
И, повздыхав для важности слегка,
Бородачу вручили три мешка.

...Ну что бы эти деньги из мешков
Раздать голодным семьям бедняков,
Работавшим веками за гроши!
Но нет! — им чистой не понять души,
И богачи о том не помышляют.
(И конный пешего не понимает!)

У богатеев на уме одно
 (Они считают, так и быть должно) —
 Любой ценой у власти удержаться,
 Над бедными надменно издеваться.
 Коварство же жестокости сродни —
 И вот убили пахаря они,

Грудь рассекли ему, где сердце билось.
 А сердце встрепенулось, покатилося,
 Оставив на земле кровавый след...
 С тех пор немало миновало лет —
 Событий было много и забот,
 И бурь... А песня пахаря — живет!

Благословен ее рожденья час!
 Ее поют повсюду и сейчас,
 Она звучит в предгорьях неустанно.
 Смотри — в сердцах цветущих Дагестана
 О радости и мужестве поют,
 И вся окрестность дружно славит труд.

Дербент старинный славен виноградом.
 Опять я слышу песню где-то рядом —
 Об урожае сборщицы поют,
 Хвалу труду большому воздают,
 Работа — их отрада и утеха,
 И песню их подхватывает эхо.

Звучанье песни слышу день-деньской
 Среди цехов, под крышей заводской —
 Железо в счастье там переплавляют.
 И на лугах альпийских вспоминают
 Старинные напевы чабаны
 Меж диких скал, средь ясной тишины.

В объятиях у моря песня эта
 Звучит издревле — добрая примета:
 С уловом возвращаясь, рыбаки
 Ее слова зажгут, как огоньки,
 А вот и свадьба! Весь аул поет,
 И песня льется, радуя народ.

Всегда в пути, в дороге молодежь:
 «Ты, песня, нас всегда вперед ведешь!»
 А ЗеКи в тюрьмах, и в концлагерях
 Ее поют со злобой при кострах —
 И песни те пылают средь ветров
 Всепожирающим, губительным костром.

Когда же, наслаждаясь торжеством,
Вино мы пьем,— то песня за столом —
Хозяин щедрый, мудрый тамада,
Застолье любит песню, как всегда.
Источник силы и нектар любви —
Давно ты, песня, у людей в крови;

Глубины сердца можешь ты узнать,
Чтоб, в них родившись, по свету летать,
О будущности просто говорить
И радость нам, и силу подарить.
(Вам, богатеям, не было дано
Того, что люди поняли давно.)

Во славу песни эту песнь пою,
В лицо ее, как друга, узнаю.
Я верю: эта песня — дар небес,
Я знаю: песня — чудо из чудес.
Народ в ее сияющих лучах
Встречает счастье, крыльев славит взмах.

...Не знаю, право,— все слова крылаты —
Легенда ль это? Любят песню таты.
Но если это был — нет были лучшей,
А если это сказка — то послушай.
Искала песня истинных друзей,
Способных песней дорожить своей.

Пусть это сказка — трудно разобраться,
Легенда пусть,— но можем мы признаться,
Что есть у песни верные друзья,
И жить без песни попросту нельзя.
И ты, и я — все люди во Вселенной
Не знают этой песни вдохновенней.

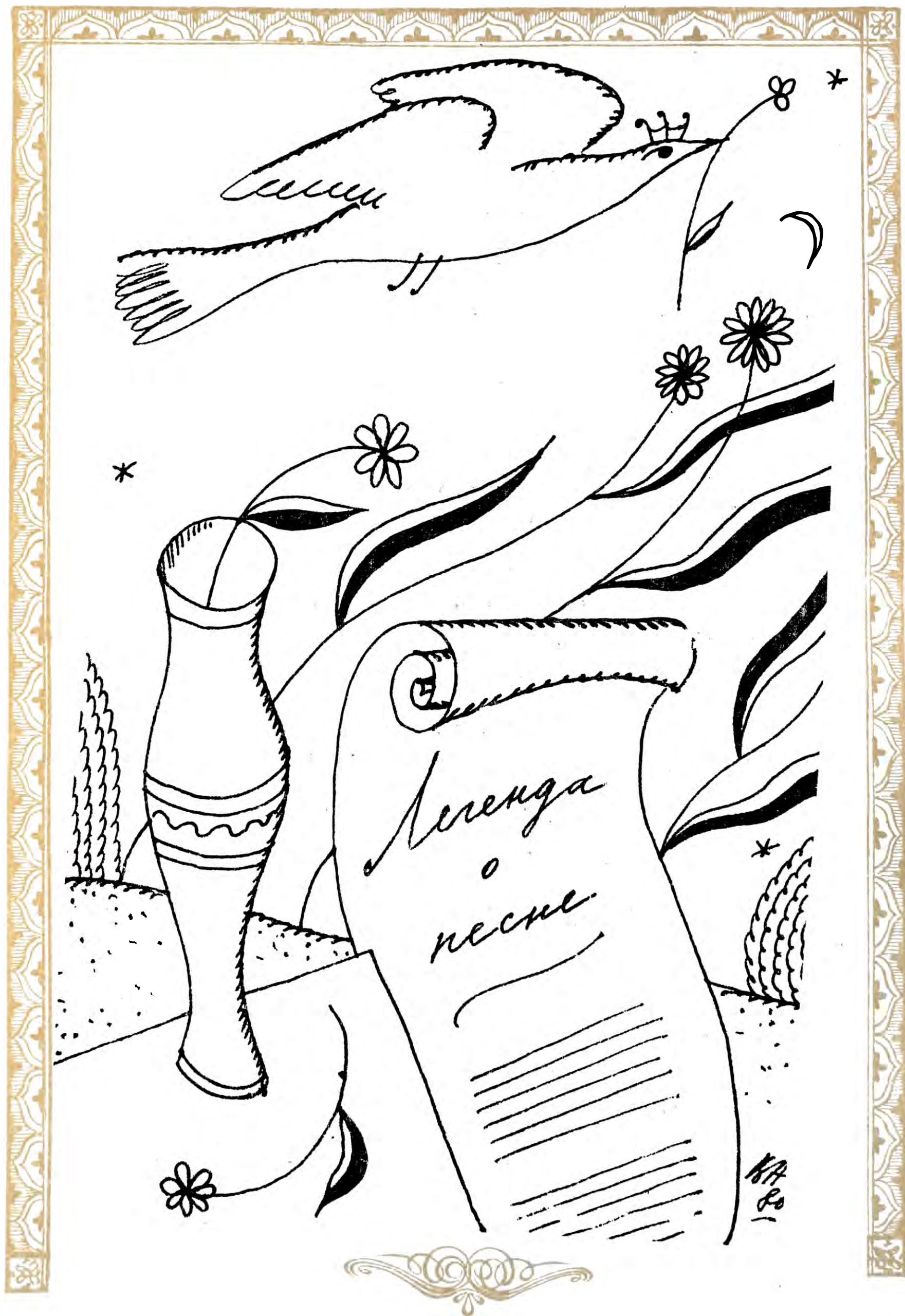
Так пусть в сердцах народов всей земли,
И здесь в горах, и где-то там, вдали
Живет о песне добрая молва,
Живут легенды вещие слова,—
И счастье, обретаемое с песней,
Пребудет в мире, сказок всех чудесней.

1962 г. — Махачкала,
1975 г. — Москва.

* Амалдан — дословный перевод с татского — знаток, дающий надежду; амаль — надежда, дан — знаток.

АННОТАЦИИ
НА ПОДАРОЧНЫЕ,
КРАСОЧНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ
КНИГИ СКАЗОК АМАЛДАНА КУКУЛЛУ,
ИЗДАВАЕМЫЕ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ АВТОРА
В МОСКВЕ НЕЗАВИСИМЫМ
АВТОРЖУРКНИГИЗДАТОМ
"АМАЛДАНИК"

АННОТАЦИЯ НА СБОРНИК СКАЗОК

АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "ЗОЛОТОЙ СУНДУК" (СКАЗКИ ТАТОВ^Ж ДАГЕСТАНА) на русском языке, печ. листов 24, формат 60 x 90¹/₈. Издается за счет средств автора. Цена договорная.

Москва. Тираж 50 000. Издание подарочное. Художник А. А. Сенин.

"Книга Амалдана Кукуллу "Золотой сундук" (Сказки татов Дагестана) – в большинстве своем не сказки, а сказания, – пишет в своей рецензии профессор, фольклорист В. Парфентьев. – Они мудры, драматичны, образны, во многом сходятся с классическими образцами древнеперсидских, арабских, русских сказаний и былин, а также – с фольклором Скандинавских стран, Великобритании, Германии, Китая, Индии, со сказками народов Америки, в частности – индейцев, и других стран и народов".

А вот как отзывается об этих же сказках академик-иранист И. С. Брагинский: "Помещенные в сборнике сказки, как волшебные, так – и бытовые, и сказки о животных читаются с неослабевающим интересом, ибо они по своей тематике остросюжетны, мудры и много в них волшебных причуд и назидания. Язык сказок эмоционален, близок к художественно-литературному языку. Книга сказок Амалдана Кукуллу "Золотой сундук" (Сказки татов Дагестана) привлечет к себе не только широкий круг разновозрастных читателей, но и внимание специалистов, – как фольклористов, так и других специалистов гуманитарных наук".

Книга предлагается как дополненное, вновь отредактированное переиздание (издавалось в Москве в 1974 г., стала библиографической редкостью). Данное издание сопровождается авторским предисловием, послесловием и комментариями.

Макет, оформление книги, девять графических, поистине сказочных, сюжетных иллюстраций, четырехцветная сюжетная обложка, в начале и в конце книги двухцветный, сюжетный, распашной форзац, цикловые в два цвета шмуцтитутлы, постраничные, изящные в красный цвет рамочки, а также – сюжетные концовки и инициалы мастерски выполнены художником Анатолием Андреевичем Сениным.

Принимаются индивидуальные и коллективные заявки от различных предприятий и торговых организаций страны в любом количестве.

Сказки входят в жизнь человека с детства и остаются с ним навсегда, точно так же, как свет солнца, сияние звезд, шелест листвы, море и горы, леса и степи, сокровенный сердечный разговор и песня, затрагивающая потайные струны души. Даже совсем пожилые, седоволосые люди не утрачивают прекрасной детскости, чистого и восторженного восприятия мира. Сказки – это фанта

^Ж Таты – это одна из древних коренных народностей Дагестана. Собственное имя этого народа в его духовно-историческом развитии – джуай, джуут, джугур – все эти названия обозначают причастность этого народа к древнейшей зороастрийской, огнепоклонческой религии. С зарождением христианства таты, как и многие народы Востока, а также Кавказской Албании, приняли христианство. С приходом Исламской религии часть народа приняла Ислам, другая – иудаизм. Таты исповедуют и индуизм, и христианство. Язык татов (джугур) – древнефарсидский и в свете новых филологических изысканий, над которыми многие годы работает автор предлагаемого сборника сказок – поэт, сказочник, фольклорист и филолог Амалдан Кукуллу, – является ключом к разгадке "тайны слова", подтверждающее духовное языковое единородство многих народов планеты, – особенно – языки индоевропейской, фарсоязычной группы.

зия и реальность, история и быт народа, обычай, нравы. Именно в сказках проявляется народная мудрость. Они – самая настоящая энциклопедия, сокровищница познаний, где о народе, героях его, или самых простых людях, сказано очень многое, причем сказано просто и точно. Никогда не надо забывать, что создавал сказки сам народ. Т а т ы – народ древнейший, живут они на Кавказе, язык их родственен с языком фарси в первоизданном его виде, – и на языке этом писали свои незабвенные произведения Фирдоуси, Саади, Хафис, Рудаки и многие другие поэты и мыслители Древнего и Средневекового Востока.

Амалдан Кукуллу (по паспорту – Кукулиев Амал Данилович) – представитель татского народа, пишет он стихи, сказки, научные труды по фольклористике и филологии, как на своем родном языке, так и на русском. Его филологические изыскания с уклоном к этимологии слова, точнее сказать – разгадка "тайны слова" впервые теоретически и на практике подтверждают языковое духовное и историческое единородство многих народов планеты, особенно индо-европейской, фарсоязычной группы языков и наречий.

Предлагаемые Амалданом Кукуллу пять отдельно издаваемых им повестей-сказок (их у него десятки) взяты из выпущенной машинописно тысячным тиражом в 1980 году в московском "Самиздате" книги, которая была замечена и читателями и органами КГБ, вследствие чего был произведен обыск; называлась эта объемная книга "Забавные, хитромудрые и психологические сказки дан-Амалдана". В настоящее время предлагаются следующие произведения (сказки):

1. АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "ОХОТНИК АМЕЛУМ И КРАСАВИЦА СУРХЕСЕР" повесть-сказка, стр. 74, формат 60 x 90¹/₈, издается в Москве за счет средств автора, художник Ольга Яковлева. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена 4 рубля.

Одноименный герой данной волшебной сказки – охотник Амелум – прежде чем достигнуть желаемой цели – полюбить и жениться на красавице Сурхесер – совершает множество добрых дел и поступков, проходит многие испытания. Сказка многосюжетна, в ней развиваются разнообразные конфликтные ситуации, много волшебства, – самое главное – она забавна, мудра и психологически напряженна; рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

2. АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "ГДЕ ДРУЖБА В ЦЕНЕ, ТАМ ВСЕГДА ПОБЕДА" повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, стр. 68, формат 60 x 90¹/₈, издается в Москве за счет средств автора, художник Ольга Яковлева. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена 4 рубля.

Идейно-тематическая направленность данной волшебной сказки – это стремление воплощения добра и клеймение зла; служение народу и справедливости, осуждение коварства и подлости; призыв и реальная реализация дружбы, взаимовыручки; верность долгу и милосердие. Характер данной сказки героико-романтически-приключенческий, а самое главное – сказка многосюжетна и в ней участвуют много персонажей, как положительные, так и отрицательные. К отрицательным относятся одно-, двух-, трехголовые Аждага (чудовища), которые совершают множество ужасных злодеяний. Только дружба и единство трех братьев смогли одержать заслуженную победу над этими чудовищами и тем самым помочь обиженным и униженным людям труда. Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

3. АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "ЛЮБОВЬ И МЕРТВЫХ ВОСКРЕШАЕТ", повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, стр. 72, формат 60 x 90¹/₈, издается в Москве за счет средств автора, художник А. А. Сенин. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена 4 рубля.

Сюжет, да и сама тема предлагаемой сказки, казалось бы, широко известна: в ней повествуется о злой и коварной мачехе, о тех невыносимых бедах, на которые она обрекает своих падчериц и пасынков. Но данная сказка совсем о другом. Здесь главная движущая сила – Любовь, в полном ее религиозно-духовном и философском понимании, хотя эта самая любовь являет себя через детей к умершей матери; детей, которые пройдя через невыносимые трудности и испытания побеждают и свою смерть, и смерть своей любимой матери, и тем самым утверждают эту самую Любовь и ее животворную силу.

Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как детей, так и взрослых.

4. АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "БЛАГА ЖИЗНИ В МОЛОДОСТИ ХОРОШИ ИЛИ НА СТАРОСТИ ЛЕТ?... ", повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, стр. 54, формат 60 x 90^{1/8}, издается в Москве за счет средств автора; художники Жанна и Ян Сокиркины. Издание подарочное красочно иллюстрированное. Цена 3 рубля.

Вопрос, поставленный автором данной сказки, так и не дает исчерпывающего ответа, хотя выпавшие на долю героев этой народной повествовательной прозы, события, драматичны, порой – трагические, – казалось бы, должны были разрешиться из вопроса – восклицанием, в худшем случае – точкой.

Несмотря на это, многосюжетность сказки и все те драматические события, описанные в ней, не оставят читателя равнодушным или безучастным в желании ответить себе на поставленный автором заглавный вопрос согласно своему философскому пониманию человеческого бытия.

Сказка рассчитана на широкий круг читателей как детей, так и взрослых.

5. АМАЛДАН КУКУЛЛУ. "ПОСЕЛИЛОСЬ В ДОМЕ ЗЛО, ОТ ГОРЯ НЕ ИЗБАВИШЬСЯ ", повесть-сказка по мотивам фольклора татов Дагестана, стр. 64, формат 60 x 90^{1/8}. Издается в Москве за счет средств автора, художник А. А. Сенин. Издание подарочное, красочно иллюстрированное. Цена 5 рублей.

Поселилось в доме зло, от горя не избавишься – так гласит древняя татская поговорка. Зло, точнее сказать, коварная злодейка Марэвшей, войдя в доверие к девушке-соседке, уговаривает ее, чтобы она убедила своего любимого брата жениться на... ней. И, когда Марэвшей достигла желаемого и перешла жить в богатый дом соседей, стала она строить козни – одна коварней другой – и тем самым сумела поссорить любимого брата с сестрой, а в завершении сделала так, чтобы брат отрубил сестре руки и выгнал из отцовского дома.

Вот как начинает автор саму сказку: " Когда рассказывают эту историю – камни раскалываются, горы дрожат, море стонет, а небо черными тучами заволакивается, когда же люди слушают эту историю – горькими слезами заливаются. А Вас, дорогой читатель, а может и слушатель, попрошу набраться мужества и выслушать до конца эту печальную историю, которая имела место в давние времена в одной горной стране, где жили в любви и согласии старые супруги, а затем – брат и сестра (их дети) и между ними – коварная злодейка Марэвшей...".

Да, много мук и трудностей выпало на долю безвинно наказанной и изгнанной из дома девушки Бельго (так звали эту мученицу-скиталицу). Вряд ли прочитавший эту повесть-сказку, а может быть давнюю историческую правду человеческой судьбы, сможет удержаться от того, чтобы не пролить слезу сострадания.

Повесть-сказка рассчитана на широкий круг читателей, как взрослых, так – и детей.

Выход перечисленных книг планируется в ближайшее время. Принимаются индивидуальные и коллективные заявки от различных предприятий, торговых организаций, фирм, кооперативов, как внутри страны, так и из зарубежья, в любом количестве. Обращаться по адресу: СССР, 117393, Москва, ул. Гарибальди, 20/29, корп. 1, кв. 15. Кукулиев Амал Данилович (Амалдан КУКУЛЛУ). Контактный тел. : 120–85–53 Независимое журнально-книжное издательство для детей и юношества "АМАЛДАНИК". Фирма готова создать СП с заинтересованными представителями зарубежья.

Художественное оформление

АНАТОЛИЯ СЕНИНА

Перевод с татского Вл. Алейникова

Корректор О. Г. Вицке

Формат 60 x 90^{1/8}. Бумага офсетная. Гарнитура Балтика.
Тираж 15 000 экз. Зак. 98. Издание осуществлено за счет средств автора.

Диапозитивы изготовлены в издательстве «Воздушный транспорт».

